

ГЮЛЮШ АГАМАМЕДОВА

Птицы

Притча

Пролетающая над материком стая диких уток, выбрала посадочную площадку в центре небольшого леса. Гомон пришлых птиц заглушил все другие шумы маленького, густо населенного мира. Пришельцы даже не старались вписаться в неведомую им среду. Им нужно было лишь немного передохнуть и набраться сил перед следующим рывком на юг. Одна из птиц заметно хромала, тяжелый клюв клонился на сторону. Ее сородичи, поклевав, что Бог послал, попив из лужи, засобирались в полет. Больная птица взмахнула пару раз крыльями, поднялась метра на два, а затем камнем упала вниз. Желание не оторваться от стаи заставило ее сделать еще одну попытку, закончившуюся полным провалом. Птица упала на бок, смешно задрывав перепончатые лапки. Родная стая уменьшалась в размерах, поднимаясь все выше. Старая утка, подруга заболевшей птицы, спланировала к земле, чтобы попрощаться:

– Не грусти. Скоро ты выздоровеешь, а на обратном пути мы тебя заберем с собой.

Больная утка не ответила, только склонила набок клюв.

Стая улетела, а больная утка провела весь оставшийся день в полузабытье. Под вечер она очнулась, с трудом доковыляла до лужи. Она чувствовала себя так скверно, что распрощалась с белым светом и приготовилась к самому худшему. Ночь прошла ужасно. Ей мерещились всякие ужасы: дикие волки, шакалы. Наутро утка удивилась тому, что осталась жива. «Да уж, голодный волк и тот откажется от такой добычи, как я. Больно неаппетитный у меня вид». Лесные птицы щебетали, кричали, каждая на свой лад. Несмотря на обилие разных птичьих разговоров, все они понимали друг друга. Иногда какой-нибудь весельчак начинал изображать говор родственника. Получалось у него замечательно, а остальные потешались от души над тем, кого он так удачно копировал.

Все уже успели заметить пришлую утку, но никто не решился подойти поближе. Трясогузка, оказавшаяся самой смелой из птиц, приблизилась, подпрыгивая, будто танцую диковинный танец.

– Послушайте, любезная, что это вы тут разлеглись на нашей поляне, как у себя дома?

Больная утка раскрыла клюв, чтобы ответить, но из глотки вырвались сиплые звуки. Трясогузка продолжила наступление:

– Не думайте, что вы нас разжалобите вашим притворно больным видом, и, к тому же, вы – дикая утка и должны знать, что здесь, в лесу, сильный пожирает слабого. Вы выбрали плохое место для болезни, милочка. Здесь вам не птичья ферма, где станут делать уколы и давать витаминный корм. Здесь у нас наши законы. Лесные. И если вас на глазах у птичьего народа сожрет хищник, мы ничем не сможем вам помочь. Вы понимаете, дорогуша?

Услышав вдруг ласковое слово «дорогуша», утка слабо кивнула. Трясогузка улетела, не дождавшись ответа. К удивлению птиц, и на следующее утро утка еще была жива, а к полудню она даже поднялась. Через неделю больная утка довольно бодро ковыляла по лесу и заводила новые знакомства. Трясогузка по праву первой знакомой задала ей кучу вопросов, на которые утка постаралась ответить. Рассказ ее был не так драматичен, как предполагала трясогузка. Вся ее утинья жизнь уклады-

валась в обычные каноны. Ничего необычного. Сначала утка вылупилась из яйца, совсем так же, как и другие птенцы из выводка, потом немного подросла, научилась летать. Трясогузка все ждала, когда же утка дойдет до момента, связанного с болезнью, но не дождалась. Утка говорила о всяких неинтересных подробностях: о селезне, равнодушном к ней, о завистливой подруге, о старой крякве, отравлявшей жизнь, а вот о том, где она подцепила заразу, утка не сказала ни слова. Она и сама не знала. Наверное, простудилась, когда неосмотрительно искупалась в ледяной горной речке. А как приятно было греться на солнышке и чистить перышки после хрустальной воды! И вот результат. Заболела и чуть не померла. Теперь ей нужно быть осмотрительнее.

Всю зиму уточка провела в лесу, приспособливаясь к новым условиям жизни. Она еще ни разу не проводила зиму в холодном климате. Привыкла к тому, что зимой она вместе со своими соплеменниками перелетает в теплые края. К удивлению и радости уточки, ей помогли новые знакомые птицы. У уточки, появились друзья и просто знакомые. Кукушка и соловей при встречах с ней раскланивались. А вот трясогузка и бесхвостая воробьяха вели долгие душевные разговоры. Уточка свила себе уютное гнездышко и почти перестала вспоминать своих сородичей. Зима оказалась мягкой. Всезнающая трясогузка рассказала о том, что услышала от многоумрой летучей мыши, случайно залетевшей в их лесок. Та говорила о невероятных вещах. И прежде всего она поведала о том, что скоро дикие птицы перестанут перемещаться с севера на юг и обратно в поисках вечной весны. Журавли, к примеру. Огромные стаи из пятисот-шестисот птиц перелетают из одного конца земли в другой. Красавки, самые элегантные из них, когда летят, любо-дорого на них смотреть. Но сколько опасностей их ждет в пути! Перелетные птицы перестанут метаться, надеясь прожить свой недолгий век в райских условиях. И все потому, что скоро на земле не останется края с холодным климатом. Везде будет тепло и даже жарко. Исчезнет снег. Трясогузка, конечно, отнеслась ко всем этим рассказам с недоверием. И не такое слышали! Однако прошло две зимы, и каждая следующая становилась теплее. Кукушка внесла свою лепту в удивительные истории, поведенные трясогузкой, она прибавила очень интересную деталь. Летучая мышь, по словам кукушки, никакая не птица и даже не животное, как утверждают некоторые птицы. Летучая мышь – это оборотень. Люди, умеющие оборачиваться в разных животных, иногда не утруждают себя тем, чтобы принять облик того или иного зверя, птицы или даже большого насекомого. Иногда они просто становятся летучими мышами, очень похожими на маленьких человечков. Этим объясняется то, что эти твари активны по ночам, когда люди отдыхают, и трудно выяснить, куда запропастился тот или иной представитель человеческого племени. Их исчезновение из общества людей ночью происходит незаметно. А днем летучие мыши – всего лишь лоскутья пыльной материи, лишенные всякой жизни. От этих тварей можно услышать очень много интересного. Кукушка вдруг оглянулась по сторонам, прежде чем продолжить свой рассказ. По ее словам, летучие мыши – не только оборотни, но к тому же вампиры. У них длинные острые клыки, и они не церемонятся со своей жертвой, тем более, что чаще всего их жертвами становятся люди. Таким образом они расправляются с теми, кто им не угодил, или просто получают удовольствие. «Это так удобно, – вздохнула кукушка, – наказать обидчика и все свалить на неразумную тварь». Утка очень удивилась тому, что рассказали ее новые знакомые. С наступлением весны дикая уточка присоединилась к своей стае, летевшей обратно после зимовки. Она стала одной из самых уважаемых уток в своем роду, потому что, проведя целую зиму вне родной стаи, приобрела очень ценный опыт, и молодые, неопытные утки очень часто приходили к ней за советом.

В эту же зиму в лесу произошло событие, надолго оставшееся в памяти птичьего народа. Та же самая летучая мышь принесла в лес новость о напасти, которая надвигается на всех пернатых. Болезнь, страшная эпидемия, поглотившая уже тысячи птиц. В первую очередь катастрофа затронула домашнюю птицу. Птичьи

дворы стали похожи на поле брани. Первое время дикие птицы злорадно ухмылялись, радуясь такому обороту событий. Затем наступил второй этап, когда от случайных контактов между птицами эпидемия перекинулась и на диких родственников. Тогда же летучая мышь, не оставлявшая ни одного события без своих комментариев, распустила слухи, взбаламутившие и без того встревоженных птиц.

– А вы знаете, – нашептывала она старой сове, мирно дремавшей на ветке, – вы знаете, кто вам принес в лес заразу? Это же так очевидно, только слепой не заметит, – при слове «слепой» сова проснулась и стала внимательно прислушиваться к словам летучей мыши: – Ваша уточка, которую вы так привечали. А я сразу поняла, что она появилась здесь не случайно. С чего бы это утке отделяться от своей стаи? Вы скажете, что она из вашего семейства диких уток. А я вам отвечу: «В семье не без урода». Ваша больная уточка – настоящий лазутчик. Она шпион, подосланный вам. Не забывайте: утки бывают не только дикие, но и домашние. Вот где вся правда! Они двуличны. Могут прикидываться то домашними, а то и дикими, по обстоятельствам. Скажите мне, видели вы когда-нибудь домашних орлов? Или сов? Или домашних летучих мышей? А? То-то и оно.

– Ну, почему вы так уверены в этом? Уточка никому не принесла вреда, да и поправилась уже и даже улетела.

– Поправилась, поправилась. А вы знаете, сколько птиц перебивало за это время в вашем лесу? И они больше не появлялись здесь. А вдруг они все перемерли? А?

Сова распахнула свои и без того громадные подслеповатые глаза, раскрыла клюв, чтобы ответить, и, не сумев найти вразумительного ответа, закрыла его.

На самом деле все происходило как раз наоборот. Дикие птицы, вернее их верушка, парившая высоко в горах вдаль, от основной массы птиц, занятых поиском пропитания, затеяла рискованную авантюру. Им захотелось утвердить свою власть и распространить свое влияние на всех пернатых, а затем, как знать, может, захватить власть над миром. История отношений между двумя лагерями одного птичьего народа очень смахивала на отношения между разными людскими народами. А иногда и одного народа, что-то не поделившего между собой. Только позднее, когда война была в разгаре, весь лагерь диких птиц узнал правду. И то благодаря заботам летучей мыши.

Отношения между домашней птицей и ее дикими сородичами давно перестали быть безоблачными. Новая война еще не была объявлена, однако все прежние обиды всплыли и перемалывались ежедневно. Домашняя птица без конца проклинала своих хищных родственников: ястребов, соколов, орлов, чей интерес к потомству кур, уток и других представителей птичьего двора оставался неизменным на протяжении многих столетий. Конечно, они могли бы вспомнить прежде всего о своих покровителях, «друзьях» – людях, заботившихся об их потомстве с одной-единственной целью: проглотить их за обедом. Самый свирепый хищник на земле – человек, хотя бы потому, что он убивает, не только когда голоден, но и по многим, иногда необъяснимым, причинам. С этим согласился весь птичий народ. Но что может сравниться с теплым, чистым курятником, где не нужно думать о том, где отыскать себе зернышко. Не нужно беспокоиться, куда-то лететь, чтобы не замерзнуть в холодную погоду. И вообще о чем-то беспокоиться.

Люди стали править всем миром, потому что они очень наблюдательны и охотно перенимают у всех, кто их окружает, то, что позволяет им улучшить свое существование, сделать его комфортным. Они сначала любовались, а потом и сами стали пытаться подражать полету птиц. Та же летучая мышь просветила сову и по этому вопросу. Она привела в качестве примера изобретение человека Леонардо да Винчи. Он придумал использовать птичьи крылья для того, чтобы человек, это не-

уклюжее создание, способное передвигаться только на двух конечностях на небольшое расстояние, полетел. Леонардо долго изучал строение крыла самых больших, могучих птиц. Чтобы поднять в небо такое тяжелое животное, как человек, нужны очень сильные крылья. Сова с любопытством выслушала рассказ летучей мыши, а затем сказала свое веское слово:

– Ну, и что ты мне тут плетешь про какие-то крылья? Всем известно, что люди уже давно летают на железных громаднейших птицах. И если, к несчастью, перелетные птицы сталкиваются с этими монстрами, то можешь не сомневаться, они погибают.

– Конечно, уважаемая. Самый первый человек, попробовавший полетать на крыльях, сделанных Леонардо, разбился. Но за ним шли другие. Они сделали то, чего никогда не смогли бы сделать птицы. Они придумали железную птицу. А знаете, с кого люди скопировали свою самую большую и мощную железную птицу?

– Уж не с тебя ли? Ты столько всего знаешь о людях, что мне иногда кажется, что это неспроста, – сова попыталась заглянуть в маленькие глазки летучей мыши.

– Уважаемая, при всем моем почтении к вашему возрасту и репутации мудрой птицы, я удивлена. Разве вам не известно, что самый верный способ победить – это хорошо изучить противника. Нет, уважаемая, не с меня. Свою большую птицу они скопировали с черного грифа, или черного кондора, как Вам больше нравится. Того, кто пытается сейчас вами всеми управлять; я краем уха слыхала об этом.

– Да, не зря о вас, летучих мышах, ходят разные слухи, – сова помялась, – говорят, что вы оборотни, можете превращаться то в человека, то обратно в летучую мышь. Тебя ведь нельзя назвать птицей. Так, ...ни то, ни се.

Летучая мышь посчитала более разумным не продолжать дискуссию, тем более, что она, как всегда, дала пищу для размышлений сове, с которой советовались почти все серьезные птицы леса.

Очень давно, об этих временах рассказывали вороны, птицы, известные своей хорошей памятью и страстью изр-р-екать истины, птичий народ жил по единым птичьим законам. Все одинаково заботились о пропитании, жилье, потомстве. Сильные поедали слабых. Слабые роптали, но не слишком громко, боясь навлечь на себя гнев сильных и стать изгоями. Могучий и справедливый король – птица Симург – стоял над всеми птицами. Однажды он исчез. И никто не знал, куда он скрылся. Один старый-престарый ворон вдруг объявил о том, что ему одному известно, куда подевался Симург. Ворон отказался лететь за королем в одиночку, потому что путь очень опасен, да к тому же он боялся гнева монарха. Уйти из мира птиц – это был выбор Симурга, и кто знает, что побудило его сделать это. По словам ворона, Симург живет в одиночестве в горах Каф. Эти горы огибают землю, и чтобы проникнуть в убежище Симурга, нужно преодолеть множество препятствий, а среди них есть воистину непреодолимые: огненные реки и воинственные многоглавые драконы. Положим, птицы не очень испугались драконов: все-таки есть между ними нечто общее – крылья, а значит, можно договориться. И огненные реки при желании возможно перелететь. Но вот только не всем под силу общаться с драконами, взмывать высоко в небо и не опалить крылышки. На поиски легендарного Симурга отправились тысячи птиц, и путешествие их продлилось многие годы. И только тридцать самых мудрых и сильных птиц долетели до гнезда Симурга в горах Каф. Там они обнаружили тысячи солнц, лун и звезд. И в отражении каждой из этих планет они увидели Симурга. Великий король перехитрил своих подданных. Среди всех отражений птицы не смогли найти единственного подлинного Симурга. Он так и остался для них недостижимой вершиной, похожей на самую высокую, покрытую льдами вершину горы Каф. Каждая из тридцати птиц, дошедшая до убежища Симурга, объявила себя королем.

В эту эпоху и началась первая междоусобная птичья война, ставшая причиной гибели многих пернатых и, самое страшное, – навсегда разделившая птичий народ. Птицы, потерпевшие поражение, нашли себе сильных союзников – людей. Глупые домашние куры, утки, гуси и другие неразумные особи вообразили себе, что таким образом они станут жить припеваючи. Ради спокойной жизни они были готовы отказаться от самого главного своего достижения – от свободного полета. Вначале все было довольно. Домашняя птица не знала забот и была к тому же защищена от своих страшных хищных сородичей. А люди были довольны тем, что не нужно было охотиться и полагаться каждый раз на удачу. Та и другая стороны соглашались с некоторыми неудобствами. Люди соглашались кормить и заботиться о птице. А птицы соглашались с неизбежными потерями в их рядах. Хищные птицы и те из птиц, свободолюбивая натура которых одержала верх над стремлением к сытой жизни, остались в прежнем состоянии – неуверенности в завтрашнем дне и бесконечном поиске пропитания. Довольно длительный период времени домашняя птица была уверена в том, что ее выбор оказался самым правильным выбором. Но с течением времени, когда люди превратились в циников, убивающих невероятное количество птиц, не имея в этом потребности, участь домашней птицы стала незавидной. Будучи слабыми от природы, люди отличаются хитростью и коварством, позволяющим им властвовать над всем животным миром. Домашняя птица пришла к таким выводам поздно, слишком поздно. За время своего добровольного рабства они настолько отвыкли от самостоятельности, что утратили самые главные свойства, присущие птице: они разучились летать. Не то чтобы совершать длительные перелеты с одного континента на другой. А разучились просто перелетать с одного дерева на другое. Какое это унижение для птицы! Дикие птицы, над которыми посмеивались их «умные» сородичи – домашние птицы, – осознали в полной мере свое превосходство. Дикари свысока относились к своим прежним врагам. Они перестали признавать их птицами. Если какая-нибудь утка из семейства домашних уток вдруг случайно попадала в сообщество диких, ей приходилось очень несладко. Чаще всего она становилась легкой добычей какого-нибудь хищника. Бывали, конечно, случаи, когда домашняя птица выживала, и тогда она становилась еще большей гонительницей своего домашнего птичьего племени, чем сами дикие птицы. Такой отвратительный характер домашняя птица переняла у людей.

Первая птичья война длилась несколько столетий подряд. Ни тот, ни другой лагерь не смог одержать окончательной победы. Время от времени птицы объявляли перемирие. Выбирали птицу – старейшину, способного разрешить споры. Чаще всего старейшинами становились вороны и орлы. Как всегда, находились недовольные, кричавшие о несправедливости и фальсификациях на выборах старейшин. Но, вспомнив о том, что, в конце концов, самая большая несправедливость – это война, успокаивались. Один только раз выбрали фламинго: понадеялись на его длинный клюв и задумчивую позу. Фламинго производил впечатление очень мудрого и спокойного старейшины. Он и в самом деле был таковым. Во время его правления о войне почти не вспоминали. Все занимались своими непосредственными делами. И только возникший большой спор о том, возможны ли браки между домашней и дикой птицей, привел к неожиданному обострению ситуации. Фламинго оказался не на высоте. Выяснилось, что его задумчивый вид происходит не оттого, что он слишком много размышляет, а оттого, что слишком долго процеживает в своем вместительном клюве пищу. Он не смог дать вразумительного ответа молодой паре: дикому селезню и домашней утке, с трепетом ожидавшим его решения. Родные молодых устроили кровопролитную битву, воспользовавшись таким удобным предлогом. После того, как птицы взбунтовались против спокойного, рассудительного фламинго, началась новая вакханалия, приведшая на этот раз к окончательному разрыву между родственниками. Обитатели птичьего двора и дикие птицы уже не помышляли о родственниках.

браках. Они размышляли над тем, каким образом нанести как можно больший ущерб своим злейшим врагам. В ход пошли разные уловки. Оба стана вербовали лазутчиков и старались использовать полученную информацию. Домашняя птица стала интересоваться маршрутом перелетов диких птиц и передавала информацию по цепочке, чтобы куры и утки соблюдали особую осторожность в зонах повышенного риска. Дикie птицы с удвоенным усердием охотились за своими сородичами, получая от этого особое удовольствие.

Идея применить бактериологическое оружие созрела в головах свободных диких птиц. Самое оптимальное решение – создать вирус, от которого быстрее и вернее вымрут враги. Они давно заметили, что их домашние родственники болеют чаще, дольше и сдыхают от незначительных болячек. Этому имелось простейшее объяснение: привыкнув к удобной, комфортной жизни, не заботясь ни о чем, домашняя птица не только потеряла бойцовские качества, но и самый элементарный иммунитет. Куры болели и мерли, как мухи, от простейшей простуды. Целый курятник мог вымереть только от того, что люди вовремя не сделали птицам прививки от всяких болезней. Домашняя птица болела такими болезнями, о которых дикая птица и не слышала. Вот этим обстоятельством и решили воспользоваться дикие птицы. Слепленные гневом, они как будто забыли о том, что их ближайшие родственники не только могут согдиться в пищу, но в случае крайней необходимости могут способствовать продолжению рода некоторых из них, да и просто с ними можно «почирикать» за жизнь. Правда, те из них, что послабее, воробьи, например, синички, попугайчики, колибри, в общем мелюзга, не имеющая особого веса в птичьих кругах, сохраняли нейтралитет. Они посчитали, что для них будет лучше не вмешиваться в разборки, а жить своей непростой, но такой разнообразной жизнью, имея возможность общаться и с теми, и с другими.

Начало XX века было выбрано для того, чтобы окончательно разгромить врага. В это время люди были особенно заняты своими проблемами, как, впрочем, в начале каждого века, когда люди, словно желая завершить дела прошлого века и начать заново свое существование, совершают особенно много безумств. Дикie птицы очень надеялись, что им будет недосуг вмешиваться в птичью жизнь. Люди в который раз перестраивали свой хрупкий мир. Операцию по созданию страшного оружия назвали «испанкой». Название отражало ареал распространения болезни. Территория Испании как ключ к Европе, а также служебный вход в Африку. Все детали операции хранились в строжайшей тайне. Птицы, участвующие в проекте разработки страшного оружия, даже перестали петь по утрам. Вместо пения им разрешали только прочистить горлышко. Такие строгие меры были предприняты, чтобы избежать утечки информации. Руководил проектом старый гриф, давно раввавшийся к власти. Летучая мышь неспроста шепнула об этом на ушко сове в приватной беседе. У него были неоспоримые достоинства, которые признавали за ним и друзья, и враги. Его невозможно было совратить или подкупить, учитывая его преклонный возраст и полное безразличие к земным радостям. К тому же он питался падалью и потому больше интересовался павшей, чем живой птицей. Гриф разработал генеральный план. Самое главное – сплотить хоть на короткое время свободолюбивых диких птиц, не склонных терпеть начальство, и произвести молниеносную операцию, чтобы раз и навсегда покончить с противником. Старый гриф очень серьезно отнесся к своим новым обязанностям. Он надеялся оставить свое имя в истории птичьего народа: звучное имя – Зорак, которое с гордостью будут произносить благодарные потомки. Наконец, его рутинное существование осветилось благородной целью. Он почувствовал в себе множество скрытых талантов! Сначала он произвел отбор. В команду, разрабатывающую основной проект, было выбрано несколько птиц. В основном это были хищ-

ники. Охотничий инстинкт помогал выбрать скорейший и эффективнейший метод уничтожения противника. Остановились на новых методиках. Тут не обошлось без вмешательства все той же коварной летучей мыши. У нее были свои, далеко идущие планы. Именно она предложила использовать новейший метод: заразить простым гриппом какую-нибудь добропорядочную мать семейства – клушу, и, таким образом, весь курятник станет чихать и кашлять. А там, глядишь, и начнут подыхать. Для того, чтобы куры и тому подобная вражеская родня не излечились от простейшего гриппа с помощью своих союзников – людей, было решено разработать новый вид жестокого гриппа-мутанта, убивающего без промаха. Все разработки страшного оружия происходили в глубокой тайне. Одновременно было найдено противоядие. Скромная травка, произрастающая высоко в горах. Небольшого количества этой травки было довольно, чтобы вылечиться от страшного гриппа. Одна маленькая щелочка, через которую утекла вся информация, осталась незамеченной. Зорак, озабоченный своей исторической миссией, не сумел распознать в летучей мыши коварного лазутчика. Оружие было создано, и несколько добровольцев из диких уток отправились на птичьи дворы, чтобы заразить новым гриппом домашнюю птицу. Процесс шел полным ходом. Не обошлось без потерь и среди диких птиц. Почти все добровольцы погибли. Потери среди домашней птицы исчислялись тысячами. Люди также были вовлечены в войну. Они безоговорочно стали на сторону своих домашних питомцев, служивших им к тому же источником пищи. Но они даже не могли предположить, чем обернется для них такая благотворительность. Грипп, задуманный как средство борьбы с неудобными родственниками, перекинулся на людей. Зорак и его команда не догадывались о том, чьих это крыльев дело. Черные маленькие то ли мыши, то ли птицы достигли желаемой цели. Им очень хотелось отыгаться за все унижения, которым их подвергали обычные люди, если кого-нибудь из летучих вампиров разоблачали. Осинный кол в сердце вампира – одно из незатейливых средств борьбы с упырями. Летучие мыши выпустили «джинна из бутылки». Они и сами не могли представить, чем обернется их злодейство. Эпидемия гриппа среди людей унесла миллионы жизней. Среди погибших оказалось много вампиров – летучих мышей.

Во время первой атаки «испанки» люди еще не выяснили, откуда пришла беда, и продолжали покровительствовать своим «друзьям» – домашней птице. Понадобилось много времени, чтобы они, наконец, осознали, что их верные и к тому же вкусные питомцы являются причиной страшной смертельной болезни. Люди меняли тактику: домашняя птица превратилась из союзников, правда, союзников несколько необычных, которыми уголяют голод, в противников. Заболевшие птицы безжалостно уничтожались их бывшими покровителями – людьми. Летучая мышь, пересказывая подробности избиения, ссылаясь на то, что она слышала из первоисточника, то есть от самих людей. Целые отряды людей, одетых в специальную одежду, чтобы не заразиться страшной болезнью, получили задание: найти и обезвредить, что означает – попросту уничтожить всю домашнюю птицу. Самые воинственные представители домашних птиц организовали ополчение. Домашние индейки стали сбиваться в стаи и нападать на людей. Хитроумные люди применяли разные уловки, чтобы усыпить бдительность домашней птицы, ставшей вдруг источником страшной опасности. Для того, чтобы помириться с индейками, Президент самой великой страны помиловал сразу двух индеек, предназначенных для праздничного стола «Дня благодарения». Обычно такой чести удостоивалась лишь одна индейка. На этот раз были выбраны две: белоснежная аристократичная Маршмеллоу и простая, темного оперения и происхождения Колорайс. Им обеим была назначена приличная пожизненная пенсия и дана полная гарантия – умереть своей смертью. Не обошли вниманием и самого давнего и преданного «друга» – петуха. Петух был выбран не случайно. Он когда-то был гордым фениксом. Потом, уже став домашним ручным петухом, он помогал людям сражаться с «темными». С людьми, ставшими колдунами и ведьмами и забирающими

жизненную энергию у «светлых». Предрассветный крик петуха мог расстроить самые коварные происки «темных». Однако петух и сам не промах. Люди знают, в какого монстра может превратиться домашний петух, если с ним обращаться особым способом. Бои бойцовских петухов – одно из самых изощренных развлечений людей. Петух, если его разозлить, может стать убийцей. Люди объявили его птицей года и даже вручили паспорт со всеми полагающимися данными. Загвоздка заключалась в том, что не смогли угодить всем его женам и внести всех, кто претендовал на это звание, в документ. Пришлось ограничиться простой записью о том, что петух женат.

Недовольный ходом операции, Зорак созвал Совет, в который входили только хищные, серьезные птицы: беркут, ястреб, сип белоголовый и старый императорский орел. Заседание происходило в гористой местности, сплошь покрытой огромными валунами. Зорак взгромоздился на самый большой валун. Вытянув шею и стараясь не упустить из виду ни одного из соратников, раскинувших в живописных позах, Зорак просипел:

– Друзья мои, священная война против предателей нашего гордого народа, против домашней птицы, мне не хочется даже называть птицами этих тварей, идет не совсем так, как мы задумали. Я согласен с тем, что всегда есть место случаю и невозможно предвидеть все на свете. Если бы был жив старый ворон, он бы подтвердил мои слова. Вражда между двумя кланами также возникла из-за нелепой случайности. Вы еще молоды и, вероятно, не слышали этой старой истории, похожей на легенду. Я не могу сказать, правда это или вымысел. Просто очень, очень давно, Зевс, верховный бог Олимпа, послал на землю колдунью Пандору, чтобы наказать Прометея и, самое главное, людей, не подвластных ему, Зевсу. Вы спросите, при чем здесь птицы? Казалось бы, ни при чем. Но вы послушайте дальше! Когда Пандора открыла свой золотой ларчик, то из него вылетели три громадные черные птицы, разбросавшие по всему миру семена болезней, нищеты и страха. Люди злопамятны, они не могли простить птицам такой услуги. И Прометея тоже ведь мучил наш с вами родственник – орел. Он терзал его печень много веков подряд. А потом люди придумали самый верный способ насолить нам, птицам. Они разделили наш народ. Приручили самых глупых и доверчивых и посеяли рознь между нами. А в каких вырожденков с тех пор превратились домашние птицы, вы знаете лучше меня. Есть еще одна легенда про мудрого царя птиц Симурга, удалившегося в горы. А без царя птицы переродились. Но мне очень сложно поверить в то, что Симург добровольно отказался от власти и ушел отшельником в горы...

Ястреб подскочил, взмахнул крыльями и неожиданно прервал оратора:

– К чему все эти сказки, Зорак? Тебе захотелось рассказать нам, неучам, о том, что было когда-то очень давно? Тебя могут интересовать все эти пустые, старые бредни. Ты же предпочитаешь живой крови и плоти – падал! Я не хочу знать причин этой войны, с меня довольно того, что война доставляет мне радость. Я чувствую бурление в крови. Я, Джатай, потомок того самого ястреба, Джатая, спалившего себе крылья, потому что он хотел долететь до самого солнца, я могу тебя научить смелости, старый гриф!

Зорак, помня о своем статусе шефа, не стал возмущаться, оставив на крайний случай возможность сурового наказания. Он счел нужным напомнить:

– Ты забываешь, кто здесь главный! Не буду с тобой ссориться, Джатай. Не хочу превращать наше заседание в перепалку. И не буду отвечать на оскорбление. Кто чем питается, это вопрос вкуса, не более. Если ты, Джатай, думаешь, что я не смогу с тобой покончить, то очень заблуждаешься.

Зорак расправил могучие крылья, и все присутствующие смогли оценить их размах. Старый орел вмешался:

– Зорак, прости неразумного, он слишком молод и горяч. Мы собрались, чтобы поговорить о деле. Все происходит не так, как мы задумали. Жертвами эпидемии стали люди. Нельзя сказать, что это так плохо, если вспомнить, сколько они принесли нам несчастий, начиная с момента, когда они приручили самых глупых представителей нашего племени.

– Я и не говорю, что это плохо. Я хочу вам всем напомнить, что люди – очень серьезные враги. Это вам не петухи и утки. Они смогут выиграть войну, и тогда нам не поздоровится, – Зорак втянул голову в пушистый воротник

Ястреб заклекотал от злорадства:

– Уважаемый Зорак боится, трепещет! Я так и знал. Кому мы доверили нашу судьбу?! Старому, трусливому грифу! Ему давно пора на покой! Впереди должны быть молодые сильные птицы. И дело тут не в размерах. Подумаешь, великан!

Зорак повернул голову в сторону ястреба, размышляя над тем, какую тактику ему выбрать, чтобы усмирить строптивого юнца:

– Я согласен с тобой, Джатай. Тебя мы определим в самый передовой отряд. Ты можешь себе выбрать задачу по вкусу. Но прежде тебе придется заручиться поддержкой нашего Совета. Или ты предполагаешь стать самодержцем? Я не думаю, что уважаемый Совет, – Зорак обвел крылом все собрание, – позволит решать судьбу народа одному, пусть даже очень молодому, сильному и горячему ястребу.

Птицы зашумели, сип белоголовый, молчавший до сих пор, выразил возмущение по-своему: он взмыл высоко в небо и, сделав несколько кругов, приземлился на прежнее место. Слово взял беркут:

– Джатай мне друг и брат, но истина дороже. Мы не можем поручить операцию, задуманную грифом, кому-нибудь другому. Да к тому же не забывайте, что мы близки к цели. Еще немного, и враги будут полностью уничтожены болезнью либо их вчерашними союзниками – людьми. То, что мы обсуждаем сегодня ход военных действий, естественно. И только природная скромность нашего уважаемого Зорака не позволяет ему говорить, кричать о наших успехах!

После такой патетической речи ястреб, согласно своей темпераментной натуре, покинул собрание, почти мгновенно набрав высоту. Через минуту он казался черной точкой в чистом небе.

Джатай полетел к людям, в их грязный, задымленный город. Город, в котором почти совсем не осталось места птицам. Пролетая над похожими на высохшие реки дорогами, по которым движутся нескончаемым потоком уродливые железные колымаги, ястреб позлорадствовал. «Скоро, очень скоро, для людишек так же, как когда для нас, диких птиц, не останется здесь места, все заполонят их страшные неудобные и громадные гнезда и эти уродливые железные насекомые, ползущие по дну высохших рек». Ястреб не зря прилетел в город. Злопыхатели сообщили ему, что его родных братьев, ястребов, заметили на службе у людей. И занимались они неприглядным делом: выступали в качестве охотников за птицами. Люди решили извести последних диких птиц, живущих в городах и ставших вдруг, ни с того ни с сего, как казалось людям, агрессивными. Для этого они воспользовались услугами самих птиц: ястребов. Подлетев к главной площади громадного города, Джатай выбрал самую удобную ветку для наблюдения. Ему не пришлось долго ожидать. Человек, появившийся на площади с мешком в руках, как будто нарочно остановился под деревом, где сидел Джатай. Он вынул из мешка ястреба, у которого на голове был колпачок. Ручной ястреб сидел на руке человека, одетой в кожаную перчатку. Человек ловким движением снял колпачок с головы птицы и резко подбросил ее в воздух. Ястреб взлетел, сделал круг, привыкая к свету. Джатай все ждал, когда же ястреб поднимется выше к солнцу и улетит из страшного города. К удивлению и огорчению Джа-

тая, ястреб не стал делать ничего подобного, наоборот, он сделал то, чего ждал от него человек. Он взмыл вверх, чтобы набрать скорость перед пикирующей атакой, а затем камнем упал вниз. Джатай увидел ворону в когтях у брата. Ястреб был безупречен. Охотничий инстинкт, присущий их племени, и на этот раз оказался главенствующим. Ворона не успела понять, что с ней произошло. Атака была молниеносной. Только свободный нрав, которым так гордился Джатай, казалось, совершенно неведом его кровному родственнику. Ястреб, сделав свое дело, прилетел и сел на руку к человеку, пославшему его на охоту. Тот отдал ему в качестве награды ворону, как будто не ястреб ее поймал, а он сам, человек. Ястреб не возмутился, не стал нападать на человека. Он, как послушная ручная птичка, съел отданный ему корм и так же легко позволил надеть себе на голову колпачок. Джатаю очень хотелось поговорить с ястребом, и он размышлял над тем, как же ему это сделать. Человек в это время вытащил еще один мешок, а из него другого ястреба. При виде второго ястреба, готового служить человеку с тем же рвением, что и первый, Джатай совершенно пал духом. «Что же это происходит с птичьим народом?! Я так гордился тем, что я ястреб, свободная птица высокого полета. Я так гордился тем, что я и мои братья питаются только живой плотью и что даже сам Зорак, старый гриф, не чета нам. И что я вижу?! Мой родной брат стал похож на какого-нибудь бескрылого петуха из курятника. Человек позволяет себе обращаться с ним, как с какой-нибудь домашней безобидной птичкой. Это ему зря не пройдет!!! Я постараюсь отомстить и напомнить этим зазнайкам, людям, где их место в животном мире».

Второй ястреб был менее удачлив, чем первый. Не только потому, что он был худшим охотником, просто вороны, напуганные первым ястребом, стали осторожнее. Несколько ворон улетели, а остальные притаились. Второй ястреб, сделав две бесполезные попытки, вернулся к хозяину. Человек спрятал его в мешок, не накормив ничем. Джатай, тихонько сидевший на ветке, стал свидетелем разговора двух ворон. Обычно их карканье раздражает. Громкое и бесцеремонное поведение ворон стало, в некотором смысле, причиной охоты на них людей. На этот раз вороны говорили между собой очень тихо. Так, чтобы услышать мог только тот, кому адресовано карканье. Пестрое оперенье Джатая позволяло ему слиться с листвой. Он сидел совсем близко от ворон и слышал все:

– Любимая подруга, ты помнишь, как жилось еще каких-нибудь десять лет назад. Теперь я понимаю, что это был золотой вороний век! А как же иначе, Каркала, можно назвать то благословенное время! Сколько было всего на помойках! Всего такого, чего нельзя было найти в этих гнездах, где люди хранят провизию!!!

– Да, я, пожалуй, с тобой соглашусь. Только удивляешь ты меня своей плохой памятью. Ты живешь среди людей столько лет, а все продолжаешь называть «гнездами» их дома, магазины и т.д. Я знаю даже новое название магазина – шоп. Сейчас так все говорят. Я не хочу тебя учить. Но все же, подруга, ты же мудрая птица, чтобы там ни говорили...

– Каркала, Каркала. Как ты можешь сейчас напоминать о людском языке. Ты же видишь, что люди превращаются в наших врагов. Самых злых и опасных. Если ты сейчас скажешь, что эти глупые, кровожадные ястребы хуже людей, то я совершенно в тебе разочаруюсь. Ты видела, видела собственными глазами, кто заставил ястребов охотиться на нас здесь, в городе, где ястребами и не пахнет, уже очень и очень давно. И как они жестоки, эти люди, и коварны. Они же могли взять свои железные ружья и убить нас, беззащитных ворон, мы же мирные птицы. Легче всего поднять клюв или ружье, как у людей, на таких мирных птиц, как мы! Так нет же! Они используют для этого ястребов. Ты понимаешь, Каркала, что они хотят сравнить нас, птиц, между собой! Они давно сравнили диких и домашних птиц, а сейчас у них задача посложнее. Они хотят загрести жар нашими крыльями и железными клювами хищных птиц. Ты, наверное, не помнишь, ты у нас молодая, Каркала. А вот я помню,

что люди давно уже заставляют ястребов, да и соколов охотиться. Не только на других птиц, но и на разных мелких животных, которыми питаются наши хищные собраться.

– Как, как же, я слышала об этом от старого ворона. Он рассказывал о соколиной охоте. Но только он говорил о всадниках, о степи. Постой, я сейчас вспомню, как звали того ястреба, что взбунтовался. Не захотел больше быть слугой людям. Джуда... Джеда... Да.... Его звали Джатай. Он охотился для людей. А потом однажды взлетел высоко-высоко, чтобы его не видно было с земли, опалил себе о солнце крылья, упал и разбился насмерть.

– Ах, Каркала. Какая ты все-таки р-р-романтичная ворррона. Поживешь с мое, всякие глупые сказки из головы выбросишь.

Джатай кипел от возмущения. Что за бредни рассказывают эти выжившие из ума вороны! Как они смеют клеветать на его предка Джатая! Героя! Так хотелось одним ударом острого, как стальной клинок, клюва забить этих сплетниц! Джатай сдержал свой охотничий инстинкт, решив, что не будет опускаться до ястребов-слуг и пачкать свой клюв. Он резко взмыл в небо, оставив ворон в полубоморочном состоянии.

Джатай сделал несколько кругов, чтобы остыть. На пятом круге он заметил сверху на шпиле самой высокой башни странную фигуру, напомнившую ему кого-то. Несмотря на зоркое зрение, позволявшее ему видеть добычу – мелких грызунов с высоты полета, он не мог поверить своим глазам. То, что предстало его взору, никак не укладывалось в сознании.

Он подлетел совсем близко, облетел странную фигуру со всех сторон, не переставая удивляться болезненному воображению людей. Фигура на шпиле башни представляла собой императорского орла, знакомого Джатая, входившего в Совет, возглавляемый Зораком.

Странность заключалась в том, что у этого железного орла было две головы вместо одной, как у настоящего. При этом обе головы смотрели в разные стороны. Возможно, они не ладили друг с другом. Джатай еще некоторое время изумленно взирал на орла-уродца.

Джатай прилетел к себе в гнездо, когда солнце зашло за горизонт. Ему хотелось подумать обо всем, что он увидел и услышал в городе людей.

Рядом на высохшем дереве спала летучая мышь. «Как хорошо, что она спит и не мешает мне размышлять!». Не успел Джатай порадоваться безмолвию летучей мыши, как она встрепенулась, села на ветке и сладко потянулась. Заметила нахохлившегося Джатая:

– Мой друг Джатай, вы всегда так сурово смотрите, что иногда я вас боюсь, – она кокетливо закрыла матерчатыми крыльями ушастую головку.

– Не зря боишься. Меня надо бояться. Когда ты перестанешь это делать, противная мышь, тогда я тебя съем. Не побрезгую. Мне просто противно сжирать дрожащую тварь.

– Ах, Джатай, не пугайте меня. Вы ведь не все обо мне знаете. Есть некоторые факты из моей драматичной жизни, не известные вам, мой друг. Позвольте мне называть вас так, – летучая мышь отлетела на приличное расстояние, чтобы иметь возможность маневра в случае атаки. – Вы так грустны. Я не поверю, что виной всему только голод.

– И голод тоже. Это ты вовремя мне напомнила, мышь. Я слышал о тебе всякое и никогда не верил рассказам. А за сегодняшний день я как будто постарел. Побывал в городе у людей, посмотрел на всякое разное и уже ни в чем не уверен.

– Ах, как печально, мой друг, терять иллюзии в таком юном возрасте. Расскажите мне о том, что вас беспокоит. Может быть, я смогу что-то объяснить, учитывая мой опыт...

– Твой опыт?! Тогда скажи мне, что за странная фигура на башне. Она похожа на нашего орла, но только с двумя головами. Скажи, зачем он им понадобился?! И если уж нашли ему применение, то почему две головы?

– Я тоже была удивлена вначале, когда в первый раз увидела этого странного орла. Знаете, мой друг, я настолько любопытна, что стала интересоваться этим вопросом. Официальная версия людей примитивна, и я ей не поверила. Орел – самая сильная птица, символ власти и смелости, а две головы говорят о слиянии двух людских царств. Народов. Интересно, если бы дикие птицы и домашние птицы примирились, это я так просто, к примеру, говорю, я понимаю, что это невозможно, то какой бы они выбрали себе символ? С одной стороны голова орла, а с другой петуха, да... Только версия эта для дурачков. А на самом деле все не так просто. Вы заметили, мой друг, что у людей болезненная фантазия. Они выдумывают всякие штуки, назначение которых иногда не понятно. Им нравится все, что создают их руки и головы. Вы заметили, они не ограничиваются неживыми предметами. Они пытаются вмешаться в природу. Совсем недавно я видела бедного несчастного тигра-льва. У него было полосатое туловище, как у тигра, и голова льва. Как он искал себе самку, бедный, не представляю. Да, я отвлеклась. Я говорила о двухглавом орле. Я знаю, что в Индии очень любили гонять голубей.

– Каких голубей? Я спросил тебе о двухголовом орле.

– Вы сейчас поймете, мой друг. Разных голубей. Самых обыкновенных сизарей. Но не только. Разведением голубей занимались раджи и магараджи. Это самые богатые и сильные люди. Как у нас, у птиц, – орлы, кондоры, – мышь помедлила мгновение, – и вы, ястребы. Эти люди устраивали состязания. Чьи голуби великолепнее, у кого из них самое богатое оперение, кто взлетит выше других. И самые дорогие голуби, которых меняли на целые деревни, – это двухголовые голуби.

– Я не видел никогда таких голубей.

– Их нет! Их придумали люди!!! Они брали птенцов, отрезали у них по одному крылу и сшивали птиц вместе. Такие соединенные птенцы выживали очень редко. За ними нужен был особый уход. Но это еще не все. Потом эту двухголовую и четырехлапую птицу учили летать. И вот когда этот монстр вырос и к тому же мог летать, он становился главной драгоценностью магараджи. Все остальные страшно завидовали обладателю такого сокровища.

– Зачем они это делали? Объясните, я сильный, умный ястреб, но я не понимаю. Не понимаю...

– Для того, чтобы сравниться с ним, – мышь небрежно показала на небо, – с Создателем. Чтобы доказать ему, что они могут то, что когда-то сделал Он.

– Я чувствовал, что с ними нужно воевать, а не с петухами и курами. Я был прав. Я должен рассказать обо всем этом старому Зораку.

– Совершенно с вами согласна, Джатай. Я вас поддерживаю.

– Я не нуждаюсь в поддержке, тем более твоей, – Джатай в который раз за день расвирипел.

Мышь моментально оценила ситуацию и сорвалась с ветки, как сухой листочек. Джатай раздумывал над тем, как ему обратиться к Зораку после своего последнего столь яркого выступления на Совете. И самое главное – это не должно было выглядеть, как извинение. Джатай не собирался склонять свою шею перед кем бы то ни было. Наоборот, ему хотелось показать всем, какой он прозорливый, несмотря на свой молодой возраст. Вот только, как рассказать о том, что он увидел собственными глазами? Поведение его ближайших родственников – ястребов, находящихся в услужении у людей, невозможно объяснить с высоты полета свободной птицы. «Как раз я и проверю, насколько мудр наш Зорак. Сумеет он оценить мой порыв и найти правильное решение, или воспользуется тем, что я рассказал, для того, чтобы устранить соперника?»

Зорак, сидя на холме, выстраивал стратегию дальнейших военных действий. В который раз он убедился в том, что любой самый мудрый и опытный Совет – всего лишь послушный механизм в лапах у главы Совета. А иначе и быть не могло. Иначе ничего не сдвинулось бы с места. Каждый кричит о своем. А пуще всего всех заботит собственная выгода. Нельзя сказать, чтобы Зорак совершенно забыл о своих интересах. Его преимущество перед остальными членами Совета заключалось в том, что более всего старого грифа интересовала власть. Когда он рассказывал на Совете легенды о Симурге и о Прометее, Зевсе и Пандоре, посеявшей с помощью птиц все несчастья людей, то ближе всего и понятнее ему был гнев Зевса. И так же, как когда-то Зевс, наказавший титана Прометея, а заодно и людей, Зорак желал наказать домашних птиц и людей, покровительствующих им. Последние события, о которых сообщали лазутчики, происходили почти так, как задумал Зорак. Эпидемия птичьего гриппа перекинулась из Азии в Европу. Если в начале акции люди еще продолжали поедать в вареном и жареном виде своих питомцев – домашнюю птицу, то на следующем этапе по мере расширения территорий, затронутых болезнью, они перестанут это делать. И, по мнению Зорака, недалек был тот день, когда люди истребят всех домашних птиц, что принесет долгожданную и окончательную победу их диким сородичам.

– Уважаемый Зорак, позвольте обратиться к вам. Понимаю, что я не имею на это права, но столько говорят о вашей мудрости, что я надеюсь быть выслушанной вами.

Зорак устало взглянул на обрывок черной материи, приземлившийся рядом с ним.

– Я слушаю тебя, мышь. Знаю, что давно замышляешь какие-то козни. Но мне недосуг заниматься всякими тварями вроде тебя. Сегодня я выслушаю тебя. Все идет так, как я задумал.

– Да. Да. Именно так. Я сегодня как раз говорила об этом Джатаю, нашему юному другу. Я говорила ему, что не стоит беспокоить по пустякам великого Зорака и отвлекать его от очень важных, я бы сказала, судьбоносных для нашего народа решений.

– Как ты сказала, мышь? Судьбоносных решений для нашего народа? Ты себя к какому народу причисляешь? К народу птиц? Моему и Джатаю? Я правильно тебя понял, мышь?

Летучая мышь взмахнула крыльями, чтобы подтвердить свою принадлежность к птицам, не посмев ничего пропищать в ответ. Зорак, нахохлившись, счел нужным напоследок поучить неугомонную летучую мышь:

– Ну, что же, я знаю, что ничего нельзя скрыть от любопытства толпы, и моя размолвка с Джатаем обсуждается птицами. Но это наше дело, мышь. И ты нам тут не помощник. Я посоветовал бы тебе держаться подальше и от Джатая, и вообще от нас, свободных птиц.

Черные крылышки затрепетали, и летучая мышь улетела очень быстро, тем более, что заметила в круглых глазах грифа не привычный для него интерес к живой добыче.

«Джатай собирается навестить меня. Хочет ли он и дальше выступать против меня и представляться спасителем птичьего народа? Неблагодарная роль. Только он слишком глуп и самоуверен, чтобы понять. В конце концов, его ждет судьба его прапрадеда. Он опалит себе крылья и погибнет по собственному неразумению. А сейчас необходимо его обезвредить. Найти хоть какое-нибудь применение, чтобы охладить пыл. Он так горяч и неуправляем, что трудно придумать ему занятие. Когда выбирали Совет, Джатай попал туда только лишь благодаря своему происхождению. Зря... Нужно поменять принцип отбора. Брать в Совет птиц, исходя из нынешних заслуг, а

не вспоминать о том, что было очень давно. Ах, Зорак, Зорак... Сам себе противоречишь. Рассказывал какие-то древние сказки своим советчикам, а теперь, когда Джатай взбунтовался, говоришь о нынешних заслугах. Вот это и говорит о моей мудрости, о том, что птицы не зря выбрали меня своим царем. Да... Царь он и есть царь, назови его, как хочешь: глава, вождь, как угодно. Суть остается. Я могу казнить и миловать. А когда мы разделаемся с домашней птицей, то власть моя станет настоящей, полновесной властью над всеми пернатыми».

Приятные мысли Зорака прервал появившийся высоко в небе знакомый силуэт непокорного ястреба. Джатай приземлился в некотором отдалении от Зорака. Старый гриф не сделал ни одного движения в сторону ястреба. Джатаю пришлось приблизиться и поклониться, как того требовал птичий этикет:

– Простите, что нарушил ваш покой. Но учтите, что я прошу меня извинить только за это. Я не собираюсь просить прощения за то, что сказал на Совете. Я и сейчас считаю, что прав. Надо вести войну не столько с нашими трусливыми родственниками, сколько с людьми. Я хочу рассказать вам то, что увидел собственными глазами. Мне очень тяжело говорить об этом, но я надеюсь, что вы сможете найти разумное объяснение. К тому же в первый раз я вдруг почувствовал, что быть молодым не всегда так здорово. Я очень страдаю.

Зорак с удивлением смотрел на Джатаю, всегда такого самоуверенного и скорого в суждениях:

– Я слушаю тебя, Джатай.

– Сегодня я был в городе, у людей. То, что я там увидел и услышал, я не забуду никогда. Мои братья, ястребы, в подчинении у людей! Они охотятся на ворон по приказу людей! Но это еще не все. Я случайно услышал разговор двух ворон. Одна из них утверждала, что мой легендарный предок Джатай тоже был в услужении у людей и спалил себе крылья только потому, что взлетел слишком высоко, надеясь улететь от людей.

– Знаешь, Джатай, ты в самом деле молод и горяч. То, что ты услышал от ворон, несколько не умаляет заслуг твоего прадеда. Наоборот, ты поймешь это позже, я полагаю, его стремление освободиться из неволи заслуживает большего уважения, чем желание достичь невозможного. Но красивая сказка о том, что он хотел долететь до солнца, пусть остается в памяти птичьего народа. Мы же с тобой, – тут Зорак подмигнул Джатаю, – не будем разочаровывать птичий народ и повторять рассказ ворон, пусть даже очень похожий на правду и более героический, чем сказка.

Джатай переваривал сказанное.

– Из ваших слов выходит, что одно вы говорите птичьему народу и совсем другое думаете? Я правильно вас понял, Зорак? И никто не знает ваших настоящих целей. Для чего нужна эта война с глупыми несчастными родственниками?

– Ты, как всегда, все упрощаешь, Джатай. Все тебе нужно изобразить в двух цветах: черном и белом. Ты же прекрасно знаешь, что в природе не все так просто. Твое оперение, к примеру, пестрое. Почему? Ты задавался этим вопросом? Потому что так легче охотиться! Легче затеряться в листве или среди камней. Ты такой прямой и открытый и все-таки пользуешься этим подарком небес?

– Таким меня создала природа, и я не могу ничего поменять. И не хочу.

– Правильно, Джатай, в твоем случае и не нужно ничего менять. Оставим все, как есть. Я буду властвовать над птичьим народом, так как мне представляется правильным, а ты будешь охотиться и не будешь вмешиваться в мое управление. В Совете, в других местах, где собираются птицы, ты будешь поддерживать меня!

– А если я не стану этого делать, что тогда? – Джатай подпрыгнул от возмущения.

– Зачем же вынуждать меня к тому, чтобы я рассказал о том, что героический прадед Джатая был всего лишь прислугой у людишек.

– Я так и знал, что вы, отвратительный старый гриф, ничем не отличаетесь от той же летучей мыши, способной на любые пакости. И это – наш правитель!!! Любой петух и тот честнее, чем вы, Зорак!

– А кто говорит, что я честен? Смешно, Джатай. Ты подумай на досуге. Я предлагаю тебе свое крыло. Меня все больше беспокоят люди. Я думаю, пора с ними договариваться. Иначе эти безумцы не только уничтожат домашнюю птицу, но потом займутся нами, а уж в последнюю очередь сами все вымрут.

– Я не верю вам, Зорак. Вы сейчас признались в том, что все, что вы говорите, не стоит доверия.

– Ах, Джатай. Мы одни. Я могу себе позволить говорить то, что думаю. Ты мне симпатичен, несмотря на твое ко мне отношение. Ты так молод! – Зорак вздохнул. – Подумай!

Джатай распушил перья.

– И как же вы предполагаете договариваться с людьми?

– А вот это я предоставлю тебе, Джатай. Можешь поворковать или поклекотать, как тебе захочется, со своими родственниками – ястребами, живущими у людей. В конце концов, это тоже связи, и неплохие. Можешь пообщаться с летучей мышью. Я заметил, что она проявляет к тебе интерес. И не забудь рассказать о своих контактах мне. Ты же умный и сильный, Джатай, совсем, как твой прадед. Мы с тобой решим, как нам действовать дальше, – Зорак обхватил своим огромным крылом Джатаю, – и совсем необязательно посвящать в это остальных птиц.

Джатай молчал. Он испытывал странные чувства. Ему было лестно, что правитель всех птиц, мудрый Зорак, так откровенен с ним, молодым ястребом. В то же время ему стало ясно, что Зорак способен на любое предательство и любую подлость, если в этом он увидит свою выгоду. «Наверное, в этом и заключается мудрость. И возраст, и жизненный опыт учат именно способности приспособливаться к любым условиям и с выгодой для себя».

– Я согласен, – Джатай взмахнул крыльями, и, не дожидаясь одобрения старого Зорака, сорвался с места.

После сложного разговора Зорак полетел трапезничать. Он еще утром заметил убитую косулю, которой лакомилось семейство волков. Обьедков со стола волков вполне должно было хватить. Подлетая к месту трапезы, гриф с неудовольствием заметил извечных своих сотрапезников – воронов. Ворон – уважаемая птица, что и говорить. Но Зорак, глядя на этих птиц, всегда вспоминал их неугомонных, болтливых родственников – ворон, живущих рядом с людьми. Как будто отвечая его мыслям, самый большой ворон закаркал:

– Зорак, как вы вовремя. Мы оставили вам самые вкусные кусочки. Мы всегда уважаем власть и помним о том, кто заботится о нас денно и нощно.

Зорак не стал отвечать. Он молча заглатывал пищу, стараясь не подавиться. Ворон между тем, несмотря на отсутствие интереса со стороны грифа, продолжил светскую беседу.

– Вам может показаться занимательным то, что я расскажу. Наша дальняя родственница Каркала сообщила нам очень интересные факты. И, по-моему, вам не мешало бы о них знать. Я не хочу просить за своих родственников, ворон. Но все-таки не будем забывать, что они так же, как и мы, являются дикими птицами. Это не какие-нибудь куры, утки, гуси!!! Вороны – наши двоюродные братья и сестры. И когда я слышу о таких возмутительных случаях, то просто не знаю, что и думать!

Зорак уже догадался, о чем пойдет речь, и захотел сравнить рассказ Джатаю с тем, что изложила болтушка Каркала. Ворон, так и не дождавшись ответа Зорака, не отчаялся, а продолжил:

– Так вот, цвет нашего птичьего народа ястребы, родственники нашего уважаемого Джатаю, сейчас служат людям. Тем самым людям, что убивают не только

наших врагов, домашнюю птицу, но и нас. Так вот. Эти самые ястребы охотятся на ворон!!! Какой позор на наши птичьи головы! Если бы только голод заставлял их охотиться, я бы сказал, что это согласно всем звериным законам. Но это не так!!! Каркала кипела от возмущения. Она и так бедняжка заикается немножко, как затянет кар-кар-кар, так от нее не скорррро толку добьешься. А тут и вовсе. Застопоррррило её.

Зорак услышал все, что ему хотелось, расправил крылья, потянулся, снисходительно бросил:

– Разберемся.

Тяжело взлетел и потихоньку набрал высоту.

Военные действия продолжались, то становясь яростными, то затихая. Эпидемия птичьего гриппа захватила всю планету, и люди лихорадочно пытались найти вакцину. Прошел месяц, прежде чем Джатай улучшил счастливую возможность поговорить за жизнь и не с кем-нибудь, а с самой Каркалой, которая, как выяснилось, имела очень неплохие связи не только со своими кузенами и кузинами, но и с другими представителями животного мира. Каркала долго отказывалась от встречи с диким ястребом. Она во всех подробностях рассказала летучей мыши, служившей посредницей в переговорах между двумя сторонами, о своей неожиданной встрече с Джатаем. И, конечно, красочно описала обстоятельства этой встречи: кровавую расправу ястребов-слуг над невинными, ничего не подозревающими воронами. Летучая мышь притворно выразила сочувствие, при этом оценивающим взглядом окинула Каркалу, прикидывая, сколько таких ворон зараз может съесть взрослый ястреб. Летучая мышь все-таки нашла ту самую струнку, за которую стоило только потянуть:

– Джатай так расстроился из-за своих родственников. Он так переживал, беденький, и столько хорошего сказал о вас!!!

– Обо мне?!

– Он так хвалил вас. Вы такая воспитанная ворона! Говорили таким нежным голоском! – летучая мышь умильно посмотрела на ворону

– Правда?! Какой он милый, – Каркала растаяла, – хорошо, я согласна на встречу. Но только если рядом будет еще кто-то, ну, к примеру, вы, летучая мышь.

Летучая мышь сама очень стремилась поучаствовать в этой встрече. Но Джатай заранее предупредил ее, что встреча должна проходить с глазу на глаз. И никаких посторонних.

– Нет, Каркала, ястреб хочет встретиться с вами без свидетелей. Он готов дать вам любые гарантии.

– А если он меня съест, то зачем мне его «гарантии»?

– Ах, Каркала, как вы еще молоды! Почти так же, как Джатай! Гарантии – это значит, он обещает вас не съесть.

– Вы думаете ему можно верить?

Летучая мышь про себя потешалась над наивной Каркалой:

– Вы так очаровательны, мой друг!

Каркала закаркала во все воронье горло от удовольствия:

– Кар, кар, кар. Я согласна!!!

Встреча между Джатаем и Каркалой произошла на том же месте, что и страшные события некоторое время назад: в городе, на площади, где люди выпускали ястребов на охоту за воронами. В городе было холодно, выпал снег, люди все прятались по гнездам. Каркала прогуливалась одна по площади, и рядом с ней приземлился Джатай. Увидев так близко своего извечного врага, Каркала потеряла дар

карканья. Она только грустно посмотрела на Джатаю, а про себя подумала: «Какая я дурра! Как я могла поверить этому страшному ястребу! Сейчас он накинется на меня». Джатай все понял по убитому виду молодой вороны и постарался рассеять ее подозрения. Разговор не клеился первые пятнадцать минут. Когда Каркала поняла, что Джатай, вероятнее всего, сыт и не будет набрасываться на первую встречную ворону, она нашла в себе силы и стала отвечать на вопросы Джатаи. В это время на площадке показался человек с собакой на поводке. Ястреб зоркими глазами сразу же заметил удивительный ошейник собаки. На ошейнике был тот же самый изуродованный двуглавый орел, что и на шпиле башни. Собака напрямиком направилась к странной птичьей парочке. Птицы взлетели и устроились на ветвях высокой голубой ели. Собака подбежала к дереву, справила нужду и вернулась к ожидавшему ее человеку. Тут Каркала оживилась и рассказала Джатаю все, что знала о собаке и ее владельце: невысоком человеке неприметной наружности, чем-то отдаленно похожем на птицу, а точнее на утку. Каркала уверяла, что этот человек имеет большую власть, совсем, как Зорак у птиц, и поэтому на его собаке такой странный ошейник. Это знак высшей власти. И если уж дикие птицы решили договариваться с людьми, то лучшей кандидатуры не найти. Джатай подумал и согласился на предложение Каркалы. Тем более, что за время беседы он убедился в том, что при личной встрече Каркала оказалась разумной и даже милой птичкой. Он согласился с ее мнением о том, что встреча между главами двух народов может быть очень удачной хотя бы потому, что человек, видимо, тоже птичьего происхождения и кое-что знает о птичьих ценностях: например, что такое свободный полет. На вопрос Джатаи, как же Каркала собирается обстригать это дельце, ворона с гордостью ответила, что близко знакома с любимой канарейкой этого человека. Джатай улетел, так и не решившись коснуться Каркалы. Уж очень боялся напугать очаровательную ворону. Он только сказал с грустью в голосе: «Может, мы с вами когда-нибудь еще увидимся». Каркала погрузилась в задумчивость. Последние слова Джатаи не выходили из головы.

Все, что происходило во время встречи Человека-птицы и Зорака, осталось под покровом тайны. Летучая мышь, как ни суежилась, чтобы получить информацию и попользоваться ею, на этот раз признала свое поражение. Встреча состоялась. И это видели дикие птицы, случайно оказавшиеся рядом с охотничьим домиком в лесу. Они с удивлением наблюдали за тем, как огромный гриф, никогда не появлявшийся в этих краях, приземлился на ветке дерева рядом с домиком, из которого вышел Человек-птица. Он подошел к дереву, протянул руку в перчатке, гриф слетел на руку человека. Человек-птица с грифом скрылись в домике, где они пробыли около двух часов. После окончания встречи Зорак улетел в родные края, а Человек-птица сел в громадное насекомое, с вращающимися над головой крыльями, и тоже улетел в свой страшный город.

Зорак созвал Совет и заявил, что война окончена. Дикие птицы победили. Зорак назвал особо отличившихся героев и среди первых он отметил Джатаю. Зорак сказал, что домашняя птица ослаблена, и то количество, что осталось после побоища, не сможет принести заметного вреда дикой птице. Людей надо оставить в покое и не стараться им навредить. А они, в свою очередь, не будут зверствовать и истреблять диких птиц. Несмотря на бравадный тон, Зорак выглядел еще более старым и более усталым, чем раньше. Он ничего не сказал о волнующих деталях. Нашли люди противоядие от птичьей болезни? Открыл Зорак людям спасение от напасти, рассказав, где растет волшебная травка? Будут ли люди и дальше откровенно стоять на стороне домашней птицы? Эти и все другие подробности исторической встречи остались лишь в памяти двух ее участников: Зорака и Человека-птицы.